

СВЯЗЬ УСЛОВНОГО И БЕЗУСЛОВНОГО В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРАВА В ВОСТОЧНЫХ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУРАХ

© 2022 г. Г. Н. Уткин

Российская академия наук, г. Москва

E-mail: utkin-gn@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.01.2021 г.

Аннотация. В статье рассматривается проблема связи безусловного и условного в характеристике права восточных обществ. Обосновывается, что ее решение способствует осмыслению тех черт, которые объединяют восточные правовые культуры, несмотря на уникальность характерных для них доминант духовности, ментальных идей и ценностей. Кроме того, доказывается, что именно особенностями связи условного и безусловного в характеристике права в восточных правовых культурах объясняется то, почему в современных условиях это право оказывается способным существовать и функционировать в условиях, с одной стороны, сохранения традиционных ценностей и норм, с другой — обновления системы юридического права и рецепции отдельных образцов западной правовой культуры.

Ключевые слова: безусловное, условное, восточные правовые культуры, обычное право, правовая культура, рецепция права.

Цитирование: Уткин Г.Н. Связь условного и безусловного в характеристике права в восточных правовых культурах // Государство и право. 2022. № 12. С. 169–172.

DOI: 10.31857/S102694520023312-4

RELATIONSHIP OF CONDITIONAL AND UNCONDITIONAL IN THE CHARACTERISTIC OF LAW IN EASTERN LEGAL CULTURES

© 2022 G. N. Utkin

Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: utkin-gn@yandex.ru

Received 19.01.2021

Abstract. The article deals with the problem of the relationship between the unconditional and conditional in the characteristics of the law of Eastern societies. It is proved that its solution contributes to understanding the features that unite Eastern legal cultures, despite the uniqueness of their dominant spirituality, mental ideas and values. In addition, it is proved that the peculiarities of the relationship between conditional and unconditional in the nature of law in Eastern legal cultures explain why in modern conditions this right is able to exist and function in conditions of, on the one hand, the preservation of traditional values and norms, on the other hand, the renewal of the system of legal law and the reception of individual samples of Western legal culture.

Key words: unconditional, conditional, Eastern legal cultures, customary law, legal culture, legal reception.

For citation: Utkin, G.N. (2022). Relationship of conditional and unconditional in the characteristic of law in Eastern legal cultures // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 169–172.

Научные понятия «условное» и «безусловное» не только значимы для содержательной интерпретации универсальных свойств права, но и позволяют охарактеризовать его в культурном аспекте в отличие от права других цивилизационных типов. Особенно ценной эта возможность оказывается там, где речь идет о праве, формирующемся и развивающемся в контексте восточных правовых культур, поскольку ему в отличие от западного права, к сожалению, не всегда уделяется должное внимание.

Право является частью правовой культуры общества и воплощает в себе опыт его правовой жизни, поэтому базовые характеристики права определяются спецификой правового менталитета народа, свойственными ему архетипами, ценностями и установками. Вместе с тем восточные правовые культуры с ментальной точки зрения не являются единым образованием, каждая характеризуется специфическими доминантами духовности и несет в себе особенные идеи и установки.

Для правовой культуры Китая характерны в первую очередь традиционность, ритуализированность и моральность, а к идеям, играющим в правосознании системообразующую роль, относятся «ли», «дэ» и «бао». Специфика правовой культуры индийского общества определена тем, что традиционные для Индии религиозные направления — индуизм и буддизм — делают доминантами духовности космизм, мистицизм и синтетизм. Основными идеями, приобретающими значение системообразующих, в индийской правовой культуре становятся идеи «рита», «дхарма» и «данда». Мусульманская правовая культура характеризуется религиозностью и рационализмом, а ее системообразующими идеями являются «кияс», «иджитта-хад» и «теклид»¹.

Принимая во внимание несовпадение доминант духовности и базовых идей разных восточных правовых культур, в характеристике права в контексте названных культур в его отличие от западного права целесообразно обратиться не непосредственно к правосознанию различных восточных народов, а к специфике духовности восточного общества как таковой, к тому, что отличает ее от духовности западного общества.

Особенности связи условного и безусловного в характеристике права в контексте восточных правовых культур определены социальной организацией восточного общества, наиболее существенными отличительными чертами которой выступают традиционализм, коллективизм (общинность), а также противопоставление должного и сущего.

Говоря об особенностях восточной правовой культуры, ее исследователи прежде всего акцентируют внимание на том, что ее своеобразие проявляется в приверженности традициям. Данная черта характерна для китайской, японской, индийской правовых культур, а также для исламской правовой культуры, получившей распространение отнюдь не только в странах, живущих по шариату.

Китай и Япония сумели долгое время сохранять приверженность традиции. Индия, находясь под британским влиянием, уже в XIX в. переняла ряд институтов европейского права, однако при этом до сих пор ее правовая культура продолжает оставаться традиционной. Исламская правовая культура, сохраняя приверженность религиозным традициям, активно изменялась под влиянием современных требований, однако лишь в том, что не связано с основополагающими религиозными предписаниями, лежащими в основе мусульманского права.

В восточных культурах в силу их традиционности право никогда не противопоставляется другим социальным регуляторам, оно рассматривается в качестве составляющей системы социального регулирования, при этом в данной системе ему отводится далеко не ведущая роль. Например, «соционормативная традиционная культура Индии не отрицает права как такового», но при этом «индийский образ жизни определялся и определяется не законом, а дхармой (требованием религиозно-морального долга)»². «Правовая жизнь в мусульманских государствах принимает... форму шариата, представляющего собой конгломерат всего многообразия социальных норм поведения»³.

Как следствие, для социальной практики оказывается характерной синтетичность множества элементов, отсутствие четкой границы между правовыми нормами и нормами других социальных регуляторов. Одни и те же базовые идеи лежат в основе организации и правовой жизни, и любых других областей общественной жизни. В этом плане показательным, например, является то, что парадигмами правовой культуры Китая являются «традиционность норм права, санкционированность права этическими соображениями, приравнивание преступления к этико-политическому отклонению»⁴.

Право безусловно настолько, насколько оно является частью культурной традиции: лишь сохраняя связь со своими религиозно-нравственными основаниями, органично сочетаясь с другими социальными регуляторами, оно выступает непреложным, общеобязательным, неоспоримым. В этой связи правосознанием дифференцируются обычное (основанное на традиции) и юридическое (исходящее от государства) право.

Безусловному как традиционному противопоставляется не только то, что связано с любыми инновациями, но и вообще все то, что является временным, преходящим (в силу связи с определенным историческим контекстом, проявлениями субъективизма или по другим причинам). Как следствие, юридическое право (и вместе с тем все то, что им определяется) рассматривается в качестве условного, и в этом состоит принципиальное отличие его восприятия от восприятия обычного права, неотделимого от религии и морали.

Условное в действующем праве фактически отождествляется с неопределенным и случайным, и в силу этого не просто оказывается нейтрально окрашенным, а осуждается как юристами, так и самим обществом: в отличие от безусловного оно не может быть источником стабильности, предсказуемости и, кроме того, не способно консервировать существующие нормы и отношения, обеспечивать поддержание традиций и их воспроизводство, и это лишает условное ценности, делает избыточным для правовой жизни общества.

Условными признаются государственно-властные установления, лишенные непосредственной связи с той религиозно-нравственной основой, которая характерна для культуры конкретного общества. Как следствие, складывается традиция восприятия норм писаного права в качестве инструментов, применение которых оправданно лишь в тех случаях, когда религиозные и моральные нормы, а также неразрывно связанные с ними нормы обычного права, оказываются не способными привести к правильному решению.

Условными предстают любые правоприменительные, в том числе судебные, решения, и этим во многом объясняется

¹ Малахов В. П. *Философия права*. М.: Екатеринбург, 2002. С. 389–450.

² Крашенинникова Н. А. *Правовая культура современной Индии. Инновационные и традиционные черты*. М., 2013. С. 163.

³ Малахов В. П. *Указ. соч.* С. 402.

⁴ Там же. С. 392.

то, что правосудие не приобретает того ценностного смысла, который придается ему в западной правовой культуре. Обращение в суд не рассматривается в качестве социально одобряемого способа разрешения спора, ему неизменно противопоставляется «подлинный» суд, оценивающий поступки человека отнюдь не с точки зрения норм позитивного права.

Специфическое восприятие юридического права, правотворческих и правоприменительных решений в восточных правовых культурах связано не только с их традиционализмом, но и со свойственным для них противопоставлением должного и сущего. Веления «земной» власти как части мира сущего изначально воспринимаются как несовершенные, и потому не возникает оснований для придания им ценностного смысла. «Земной» суд, принадлежащий миру сущего, традиционно противопоставляется «божественному» суду, относящемуся к миру «должного».

Легитимность нормативных юридических установлений и правоприменительных решений опирается на иррациональные аргументы, важнейшим из которых является божественный источник той власти, от которой они исходят. При этом предполагается, что справедливость и норм позитивного права, и их применения обеспечивается тем, что они складываются под влиянием божественных велений свыше, как результат действия сверхъестественных сил. И именно то, что условное решение, таким образом, фактически выступает «проводником» безусловной воли, позволяет примириться с его условностью, принять его в качестве обязательного и неоспоримого.

То, что социальная организация восточного общества является общинной, обуславливает признание безусловности тех моментов, которые выступают в праве выражением общезначимых ценностей, связаны с реализацией публичного интереса. При этом все, что связано с человеком и индивидуализирует его в правовом смысле, рассматривается в качестве условного: с одной стороны, обусловленного, с другой — в силу этого временного, преходящего.

Тому условному, что характеризует человека в правовом смысле, противопоставляется духовная сущность человека и его духовные потребности. Так, например, в мусульманской правовой культуре безусловность духовных потребностей человека связывается с тем, что они признаются «почвой для духовного роста и совершенствования индивида, а это и является основной целью существования человечества»⁵, при этом одновременно возникают предпосылки для того, чтобы считать западную систему мышления, основанную на материальных ценностях, «неполноценной и ущербной, так как в ней отрицается или по крайней мере не учитывается духовная и моральная сущность человека»⁶.

Свобода в том значении, которое ей придается в западноевропейской политико-правовой мысли, не рассматривается в качестве неотъемлемого свойства человека. Противопоставление «должного» и «сущего» предопределяет признание того, что подлинной, безусловной является духовная свобода, в то время как возможность свободы в любом другом смысле условна. В этом смысле показательным является то, что японским интеллектуалам, столкнувшимся во второй половине XIX в. с теми интерпретациями свободы, которые были характерны для английской политико-правовой мысли, понадобилось два десятилетия на их осмысление. И в то же время «в целом, большинство японских лидеров осталось при убеждении, что... “свобода”, восхваляемая английскими

теоретиками вроде Дж.С. Милля или Олбейни де Фонбланка, не является такой уж благотворной силой. Они отмечали привлекательность свободы, но сохраняли подозрение, что она подрывает добродетели, которые больше подходят для народа и для поддержания порядка внутри местных и национальных сообществ»⁷.

Характерный для восточных обществ подход к решению проблемы свободы согласуется с признанием того, что человек не является источником права и все, связанное с его функционированием в правовом поле, основано на внешних факторах, ими обуславливается. Интересы и воля самого индивида не принимаются во внимание, при этом им не просто не придается значение безусловного, они вообще не рассматриваются в качестве элементов, способных что-либо обуславливать. Предполагается, что поскольку человек все равно не способен управлять своей жизнью, то и принимать во внимание его интересы, потребности, притязания бессмысленно. В этом смысле показательным является то, что распространенным символом жизни человека в восточных культурах является человек в лодке без весел: его судьба всецело зависит от течения реки, и поэтому весла ему не нужны.

Общинная солидарность не совместима с плюрализмом поведения, личная инициатива исключается из числа тех свойств, которые значимы для человека в качестве необходимых условий его успешного функционирования в правовом пространстве. Отсюда проистекают не только фатализм, вера в неспособность человека повлиять на собственную судьбу, но и отказ от признания возможности влиять на право в более глобальном масштабе и, как следствие, неактуальность проблем гражданственности, гражданского общества, демократии — по крайней мере в их постановке.

Приданием безусловному в праве ценностного смысла во многом объясняется то, что базовые характеристики права в контексте восточных правовых культур сохраняются на протяжении всей истории их развития. При этом признание права, не являющегося частью культурной традиции, условным, объясняет, почему в ситуации сохранения традиционности правовой культуры возможны оказываются обновление системы юридического права и рецепция отдельных положений западного права, почему традиционное и юридическое право оказываются способными существовать в одном территориальном и временном пространстве. Именно поэтому, например, мусульманское право в целом (за исключением областей, связанных с регулированием «личного статуса» и уголовно-правовых отношений) сочетается с заимствованными европейскими образцами при условии, что их применение не выходит за рамки «исключенных интересов» как одного из «указателей Фихха».

Показательно, что влияние с XIX в. европейских правовых традиций на правовую культуру ряда исламских государств приводит к рецепции правовых положений, которые становятся частью правовой культуры, от которой невозможно отказаться. При этом в качестве основного препятствия для обновления права называется не несовместимость новаций с религиозной основой мусульманского права, а «узкие и отсталые представления верующих, находящихся в плену догматизма... приписывание атрибутов святости и вечности тому, что является всего лишь ограниченными, несовершенными толкованиями людей»⁸. Фактором, обуславливающим значительность отрицательных последствий влияния

⁵ *Сабери А.* Ислам и права человека // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2008. № 3. С. 26.

⁶ Там же. С. 27.

⁷ *Хауленд Д.* Перевод с западного: формирование политического языка и политической мысли в Японии XIX в. М.; Челябинск, 2020. С. 146.

⁸ *Хатами М.* Ислам, диалог и гражданское общество. М., 2001. С. 230.

религиозного догматизма, признается то, что, в отличие от носителей светской идеологии, не совместимой с исламом, «верующие-догматики обычно производят впечатление людей, от которых исходит аура религиозной легитимности»⁹.

Ситуация не меняется принципиальным образом, в том числе и в эпоху глобализации, и в силу принципиальной совместимости в правовой системе современного Китая, Японии, Индии, мусульманских государств традиционной правовой культуры как безусловного с юридическими новациями, возникающими под влиянием западной правовой культуры, как условным, отдельные изменения позитивного права, основанной на нем практики, а также правовой культуры не оказывают фатального влияния на правовую жизнь. В этой связи вряд ли можно согласиться с тем, что происходящие изменения, несмотря на то что они «затрагивают отдельные составляющие элементы материальной правовой культуры», приводят «тем не менее, в конечном итоге... к снижению степени целостности и устойчивости национальных правовых систем, что позволяет оценить последствия воздействия глобализационных процессов на развитие восточных правовых культур в первую очередь как отрицательные»¹⁰.

Совместимость традиционной правовой культуры с реципируемыми на уровне юридического права образцами оказывается принципиально значимой в современных условиях, когда следование генетически связанным с установками и ценностями западной правовой культуры принципам и нормам, получающим закрепление в международном праве, декларируется в качестве «цивизованности» государства и становится условием его признания.

Анализ действующего права государств с восточной правовой культурой показывает, что применение многих принципов и норм международного права оказывается возможным именно в силу того, что придание им значения условных становится основанием их интерпретации с учетом культурных традиций конкретного общества. В этом плане показательным, например, является то, какую интерпретацию получают во Всеобщей исламской декларации прав человека 1981 г. и Каирской декларации о правах человека в исламе 1990 г. принципы, провозглашенные во Всеобщей декларации прав человека, принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г.¹¹

* * *

Завершая рассмотрение проблемы связи условного и безусловного в характеристике права в восточных правовых культурах, можно утверждать, что ее анализ открывает множество новых возможностей для осмысления тех черт, которые объединяют названные культуры, несмотря на уникальность

характерных для них ментальных оснований. В рамках настоящей статьи можно затронуть лишь отдельные аспекты сформулированной проблемы. В то же время ее глубокий анализ способен стать ключом к пониманию процессов, характеризующих как наиболее общие исторические закономерности становления и развития восточных правовых культур, так и перспективы их развития в современных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Братусева О.Н.* Правовые культуры в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 17.
2. *Дураев Т.А., Тюменева Н.В.* Права человека в международных исламских документах // Вестник СГЮА. 2018. № 3. С. 73–80.
3. *Крашенинникова Н.А.* Правовая культура современной Индии. Инновационные и традиционные черты. М., 2013. С. 163.
4. *Малахов В.П.* Философия права. М.; Екатеринбург, 2002. С. 389–450.
5. *Сабери А.* Ислам и права человека // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2008. № 3. С. 26, 27.
6. *Хатами М.* Ислам, диалог и гражданское общество. М., 2001. С. 230, 231.
7. *Хауленд Д.* Перевод с западного: формирование политического языка и политической мысли в Японии XIX в. М.; Челябинск, 2020. С. 146.

REFERENCES

1. *Bratuseva O. N.* Legal cultures in the conditions of globalization: abstract ... PhD in Law. M., 2009. P. 17 (in Russ.).
2. *Duraev T. A., Tyumeneva N. V.* Human rights in international Islamic documents // Herald of the SSSA. 2018. No. 3. P. 73–80 (in Russ.).
3. *Krashenninnikova N. A.* Legal culture of modern India. Innovative and traditional features. M., 2013. P. 163 (in Russ.).
4. *Malakhov V. P.* Philosophy of Law. M.; Ekaterinburg, 2002. P. 389–450 (in Russ.).
5. *Saberi A.* Islam and human rights // Herald of the RUDN. Ser.: International Relations. 2008. No. 3. P. 26, 27 (in Russ.).
6. *Khatami M.* Islam, dialogue and civil society. M., 2001. P. 230, 231 (in Russ.).
7. *Howland D.* Translation from the West: the formation of political language and political thought in Japan of the XIX century. M.; Chelyabinsk, 2020. P. 146 (in Russ.).

Сведения об авторе

УТКИН Григорий Николаевич — кандидат юридических наук, советник вице-президента Российской академии наук; 119991 г. Москва, Ленинский проспект, д. 14

Authors' information

UTKIN Grigory N. — PhD in Law, adviser to the Vice-President of the Russian Academy of Sciences; 14 Leninsky ave., 119991 Moscow, Russia

⁹ Хатами М. Указ. соч. С. 231.

¹⁰ Братусева О.Н. Правовые культуры в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 17.

¹¹ См. подр.: Дураев Т.А., Тюменева Н.В. Права человека в международных исламских документах // Вестник СГЮА. 2018. № 3. С. 73–80.